

Музыкальная пропаганда

На Роттердамском фестивале обсудили искусство тоталитаризма

Сегодня гала-концертом с участием Юрия Башмета, Александра Торадзе и Вадима Репина завершается VII ежегодный фестиваль Валерия Гергиева в Роттердаме. Голландская пресса назвала его «ярчайшим музыкальным событием года».

Юлия КАНТОР

На вопрос, есть ли билеты хоть на какой-нибудь из фестивальных концертов, в кассе мне ответили почти с негодованием: «Билеты на концерты Гергиева распроданы месяц назад!». Зрительские места в крупнейшем роттердамском концертном комплексе «Де Дулен» расположены по периметру зала, так что сцена находится почти посередине. Часть кресел балкона, таким образом, расположена за оркестром, то есть визави с дирижером. Обычно эти места не пользуются особой популярностью, рассказывают аборигены, но на гергиевском фестивале именно они уходят влет: «За маэстро потрясающе интересно наблюдать!».

Не менее интересно наблюдать за происходящим за кулисами. Труппа, перманентно ждущая запаздывающих репетиций и спевков, не отваживается даже отойти в артистическое кафе: вдруг появится неуловимый (куда там Фигаро!) Гергиев. А Гергиеву комфортно, привычно в сплошной лихорадке буден: из Роттердама на три часа в Амстердам — на репетицию в «Концерт Гебау». Потом снова в Роттердам. После концерта пропагандистской музыки Прокофьева — самого шумного в идеологическом смысле мероприятия фестиваля — снова в Амстердам. Там — концерт музыки Стравинского, разумеется, при полном аншлаге.

Кстати, о Прокофьеве: именно с «Октябрьской кантаты» к 20-летию революции, «Здравицы» Сталину и фрагментов «Повести о настоящем человеке» изначально предполагалось начать фестиваль. Но первыми двумя произведениями Гергиев уже открывал концерт в нью-йоркском Линкольн-центре. Дело едва не

закончилось политическим скандалом. «Тогда были пикеты перед залом и страшное раздражение прессы. Критики считали, что нельзя пропагандировать музыку тоталитаризма и что Прокофьев не должен был ее писать. А я считаю, что Прокофьев сам знал, как ему работать», — заявил «Известиям» Гергиев. Публика ошарашенно взирала на товарища Сталина в концертном буклете и так же ошарашенно аплодировала.

Эта тема живо продолжилась на круглом столе, посвященном искусству тоталитаризма. Сошлись на том, что Героическую симфонию Бетховена «мы слушаем, не ассоциируя с Наполеоном; так и с Прокофьевым». А вот наш фильм 1948 года «Повесть о настоящем человеке» смотрели с явным сочувствием и интересом. Обсуждали и тему «Шостакович и нонконформизм», хотя и не так бурно, как ее прокофьевский антипод.

Антология русской музыки XX века — Стравинский, Прокофьев, Шостакович, Скрябин и Губайдулина — была слегка разбавлена Малером и Берлиозом. «Как сочетаются в программе такие разные художественно и идеологически миры?». Гергиев чеканит: «А никак не сочетаются — я дирижирую тем, что повлияло на мою жизнь».

В целом атмосферу фестиваля как нельзя более точно отражает такой эпизод. На служебном входе нервно томился голландский журналист, ожидавший интервью. Репетиция задерживалась. «У меня эфир, где же Гергиев? Может, назначая встречу, он имел в виду московское время, а не местное?». На что дежурный администратор поучительно заметил: «Мой господин, сейчас здесь нет ни московского времени, ни местного. Есть время Валерия Гергиева».

Роттердам — Санкт-Петербург